

ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДНЕВНИКАХ XX ВЕКА

Стаття репрезентує проблему національної самоідентичності письменників – авторів щоденникових текстів XX ст.

Ключові слова: щоденник, нація, національна самоідентичність, національний світогляд.

В статье исследуется проблема национальной самоидентичности писателей – авторов дневниковых текстов XX века.

Ключевые слова: дневник, нация, национальная самоидентичность, национальное мировоззрение.

The article represents the problem of national self-identity of writers – authors of XX century diaries.

Key words: diary, nation, national self-identity, national outlook.

В последнее время в мире и в Украине в частности необычайно возрос интерес к проблемам отношения личности к окружающему миру, появился целый ряд научных работ, посвященных исследованию мироощущения как отдельно взятой личности, так и исторически сложившегося мировоззрения и менталитета конкретных этнических групп. Современное литературоведение предлагает широкий проблемно-тематический спектр исследований, обнаруживающих природу национального мировоззрения писателей, национальной эстетики и философии. Однако, такие вопросы как процесс национальной самоидентификации, трансформация национальных чувств и представлений в литературных произведениях, последствия разрушений вековых народных традиций внутри социума и их влияние на литературный процесс требуют дальнейшего научного рассмотрения и анализа.

Наиболее интересными в этой связи нам представляются произведения документально-художественной литературы, в которых достаточно четко прослеживается нить обращений автора к исторической памяти народа. Среди таких литературных источников одну из ведущих позиций занимают дневники и записные книги известных писателей XX века.

Дневник – явление многомерное, здесь фиксируются не только проявления внешней жизни, но и отображается внутренний мир автора во всем его многообразии. На страницах дневника часто воспроизводится процесс индивидуализации – самореализации личности с точки зрения психологии. Не вызывает сомнения, что дневник является важным документом, помогающим глубже раскрыть психологический и нравственный портрет писателя, выявить его мировидение,

разобраться в духовной атмосфере, окружающей автора и оказывающей влияние на его творческую судьбу.

Во многих дневниковых записях, относящихся к XX веку, четко прослеживается общественное сознание того времени, переживающее определенный кризис – следствие двух мировых войн, голода и революционных процессов. Как результат – писатели обращаются к прошлому, своим историческим корням, пытаются найти ответ на вечный вопрос «кто я?», другими словами – ищут способы словесного выражения самоидентификации и своей национальной принадлежности.

Сам принцип ведения дневника уже предполагает некую самоидентификацию, ведь записи ведутся ежедневно с целью документального фиксирования своего «я». В качестве примера приведем слова М. М. Пришвина, датированные в дневнике 22 августа 1935 г.: «В этом прежде всего это – чем отличается один человек от другого и носит название Я. Единственный раз это Я пришло в мир и больше никогда не придет. Но точно так же и день придет и уйдет: другого точно такого дня не повторится, и «пара» дней это бессмыслица. И в тот момент, когда я беру перо и хочу отметить какой-нибудь день, как личность неповторимую, я своей личностью соприкасаюсь с личностью дня. Если так постоянно записывать, то живые дни проходят не без вашего живого участия, и в этих днях проходящих вы узнаете себя и в себе самом находите единство со всем миром, в котором люди делают свою историю» [1, с. 281].

Одной из характерных черт документально-художественной литературы является непреходящий интерес к историческому прошлому своего народа, своей страны, к описанию устоявшихся традиций

и народных представлений, различных элементов национальной духовной культуры. Неотъемлемой составляющей многих дневниковых текстов становится воссоздание национального колорита и описание национального бытия. Проявление национального самосознания выражается здесь посредством обращения ко всему многообразию национальной культуры: мыслям, образам, бытовым краскам, богатству народного языка и т. д.

Часто национальная принадлежность определяется писателями с помощью сопоставления тех или иных характерных черт с особенностями, присущими другим народностям: «У людей, соединенных между собой общим языком, обычаями, культом, историей, ну, вот, скажем, хотя бы людей русских, есть в душе какой-то более или менее подходящий образ примерного своего человека, на которого каждый и глядит как на образец поведения и, глядя на немца, на еврея или китайца, сравнивает: «вот какие мы и какие они». Это «мы» берется из себя, с того образа, а «они» – со стороны. Не думаю, что этот субъективный образец своего родного, понятного человека был бы неизменным. <...> Но если существует нация, народ, то в глубине его существует непоколебимый образ, что-то остается и связывает эпохи переживаний ...» [1, с. 449].

Наиболее яркими и запоминающимися представляются моменты, в которых национальная идентичность автора проявляется путем обличения несправедливости современного ему общественного строя. Так, например, философское осмысление судьбы украинского народа и истории нации подается в дневнике А. П. Довженко сквозь призму кризисной внутригосударственной национальной политики СССР. В то время, когда на территории страны еще не были развиты идеи многокультурности, позволяющие различным этническим группам безболезненно и без гонений сосуществовать в пределах одного государства, украинский народ, в сравнении с русским, чувствовал некие притеснения и ущемление в правах. По этому поводу А. П. Довженко пишет в своем дневнике: «Ніколи не байдужий, я оплакував загублену волю мого народу. Мене лякала його доля, оскільки є дні рабства, рівноцінні сотням літ» [2, с. 333].

Своеобразие украинского национального мироощущения и мировоззрения передается писателем с помощью изображения собственной боли, страданий, терзающих мыслей о судьбе народа: «Я не можу радуватися, коли навколо мене людям погано. Мені соромно, так соромно, ніби я винен, що люде бідні, погано одягнені, невлаштовані і перевтомлені. Ніби я обдурих їх, чогось їм набрехав і витягну з них жили, ніби я одняв у них свята, і спокій, і лагідну вдачу і зробив їх нещасливими, насадивши над ними багато поганих дурних начальників з холодними кволими душами. Герої вони чи ні? Герої. Більш – дважди, стонажди герої і страстотерпці» [2, с. 350]. Или же: «Єдина країна в світі, де не викладалася в університетах історія цієї країни, де історія вважалася чимсь

забороненим, ворожим і контрреволюційним, – це Україна. Другої такої країни на земній кулі нема. Де ж рождатися, де плодитися дезертирам, як не у нас? Не вина це дезертирів, а горе. Не судить їх треба, а просить пробачення і плакати за погане виховання, за духовне каліцтво у великий час» [2, с. 172].

М. М. Пришвин достаточно часто обращает внимание читателей на угнетенное состояние народа в до- и послереволюционный период, говорит о том, что революционные события истязают неприкосновенную личность человека, призывает писателей своего времени, в особенности символистов, возвратиться к народу, к «непосредственному чувству жизни своего (страстно любимого) народа» [1, с. 135], усматривает место писателя рядом с народом, его страданиями. Более того, сама сущность творчества и становление общей человеческой цивилизации изначально восходит по мнению писателя к национальным корням: «Культура – это мировая кладовая прошлого всех народов, и того именно прошлого, которое входит в будущее и не забывается... так что культура – это дело связи народов и каждого народа в отдельности с самим собою» [1, с. 131]. Писатель постоянно подчеркивает необходимость возврата к простой, народной почве творчества: «Чувство природы, которым обладают в большей или меньшей степени почти все художники слова, легко может развиваться в чувство народа (и не надо это даже объяснять, почему), а чувство народа, если хорошенько поработать над собой, можно не «милостью божьей», а вполне сознательно использовать для изображения масс...» [1, с. 141-142]. Несмотря на то, что читатель дневника не найдет прямых умозаключений М. М. Пришвина по поводу истинного величия Пушкина, Толстого и Достоевского, во всем дневнике красной нитью проходит идея о том, что истоки этого величия кроются именно в сопричастности этих писателей жизни простых людей, в описании ими национального быта и русских традиций.

Интересна еще одна грань проблемы национальной идентичности, присущая авторам некоторых дневниковых записей. Не вызывает сомнения, что М. М. Пришвин («Россия! Родина, дорогая, дорогая моя. Тут только, на фиолетовых брегах соленого озера, понял я, что люблю тебя, что ты прекрасна...» [1, с. 59]) или же А. П. Довженко («Пошли ж. Боже, тобі щастя, рідна, дорога, незабутня Вдова – Батьківщино... Щастя тобі, земле рідна, матінко моя» [2, с. 409]) чувствуют свою неразрывную, органическую связь с родной нацией. Но как вопросы национальной идентификации очерчены в дневниках авторов так называемой «смешанной крови»?

Обратимся в этой связи к дневникам К. И. Чуковского. Исследователи отмечают, что К. И. Чуковский – «незаконный сын мамы украинки и отца-еврея, выросший в редкостно космополитичном городе, говорящий по-русски» [3]. Этот факт во многом стал причиной того

небывалого космо-политизма, который характеризует писателя с точки зрения национальной принадлежности. Украинские традиции и предпочтения К. И. Чуковский впитывает с молоком матери: «Я обложен хохлацкими книгами, читаю, и странно: начинаю думать по-хохлацки, и еще страннее: те хохлацкие стихи, которые я знал с детства и которые я теперь совсем, совсем забыл, заслонил Блоками и Брюсовыми, теперь выплывают в памяти, вспоминаются, и еду на лыжах и вдруг вспомню Гулака, или Квітку, или Кулиша. И еще страннее: в характере моем выступило – в виде настроения, оттенка – какое-то хохлацкое ниавничанье, простодушничество и т. д. Вот: не только душа создает язык, но и язык (отчасти) создает душу» [4, с. 36]. Писатель провел детство в Одессе в окружении еврейской молодежи и некоторые упоминания в дневнике свидетельствуют о его сопереживании нелегкой судьбе этой народности: «Человека не нужно наказывать, не нужно звать еврея жидом» [4, с. 16]; «Я был у него в среду. Неприятно. Был у него какой-то генерал, говорил о жидях, разграбленных имениях, бедных помещиках» [4, с. 32]. Русским К. И. Чуковский был по языку и складу души, ведь кто как ни русский человек может восхищаться природой России («Симфония осенних деревьев в парке. Рябина. Море, новый изгиб реки...» [4, с. 87]), русской атмосферой «благодушия, самовара, стишков, анекдотов» [4, с. 82], зачитываться русскими писателями и сам творить на языке Пушкина. Кроме того, К. И. Чуковский проявляет живой интерес и к другим национальным культурам, стремиться в первую очередь ознакомиться с произведениями зарубежных классиков на языке оригинала, чтобы лучше понять их природу и духовную основу. Таким

образом, К. И. Чуковский – настоящий космополит, осознающий огромную роль родной культуры, обычаев и быта для каждого представителя любой мировой национальности.

Представленные примеры свидетельствуют о том, что на страницах дневниковых текстов можно найти ответы на вопрос о национальной самоидентификации писателей, об их собственном отношении к концепции национального бытия, об истоках формирования их национального мировоззрения. «С детства мы говорим «народ» как что-то священное, и много перевидели подвижников и мучеников за народное дело, за его землю и волю. Только теперь начинаю понимать, что этот народ не есть какой-то видимый народ, а сокровенный в нас самих подземный, закрытый тяжелыми пластами земли огонь, и что это не только мужики или рабочие, и даже не только русские люди, как Пушкин, Достоевский, Толстой, а общий всему человеку на земле огонь, свидетельствующий о человеке, продолжающем начатое без него творчество мира. Только и чувствуя, и зная в себе самом этот огонь, можно теперь жить и надеяться» [1, с. 417]. В дневниках как наиболее личностных документах естественным образом раскрывается национальное самосознание: авторы стремятся словесно выразить свою любовь к родной нации, всей полноте ее наследия, показывают бережное отношение к национальным интересам, проявляют отзывчивость к проблемам родной страны. При этом авторы дневников вовсе не хотят показать превосходство собственной культуры над другими, не отрицают ценности иных национальностей, а скорее желают выразить равное взаимоуважение ко всем другим странам и их нациям, видят в этом взаимоуважении истинные корни человечности и гуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пришвин М. М. Дневники 1905 – 1954 / М. М. Пришвин // Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. – Т. 8. – М. : Худож. лит., 1986. – 759 с.
2. Довженко О. П. Зачарована Десна. Оповідання. Щоденник (1941–1956) / О. П. Довженко. – К. : Дніпро, 2001. – 512 с.
3. Лукьянова И. В. Корней Чуковский [Электронный ресурс] / И. В. Лукьянова. – Режим доступа : http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/95735/Luk'yanova_-_Chukovskiii.html.
4. Чуковский К. И. Дневник. 1901-1969 : в 2 т. / К. И. Чуковский. – Ленинград : Советский писатель. – Т. 1. – 1991. – 543 с.